

Ч А С Т Ъ I

НАЧАЛО КОНЦА

Глава 1

*Потерпи немного: дождливые дни
скоро вернутся.*

21 сентября 2009

Поджиная на автобусной остановке на улице Харборвью-драйв экспресс «Гиг-Харбор — Такона», Софи Джонс, еще издали заметив его, в мельчайших подробностях представила себе, как встретит ее сейчас сидящая за рулем широкоплечая коротышка. Женщина нахмурит крашеные брови, подожмет губы в скептической мине, а дальше последует до боли знакомая Софи сцена. В ее ушах сама собой прозвучала фраза, которой встретит ее водительница автобуса, открывая для пассажиров дверь: «Опять? С ума сойти, эта девчонка! Ну что ты выпендриваешься? А без парашюта не пробовала?»

Экспресс подкатил, сработала дверная гидравлика, и Софи неторопливо шагнула с бордюра в автобус. Прижимая к себе черный, необъятных размеров зонт,

она мимолетно улыбнулась водительнице и немедленно пожалела об этом: как глупо — есть ли смысл разбрасываться направо и налево улыбками, если в ответ тебя не удостаивают даже благосклонным кивком?

Софи назубок знала, что случится в следующий момент, и начала отсчет.

Три...

Вот водительница автобуса скривила физиономию, опустила голову и раскрыла рот, выставив на всеобщее обозрение яркую амальгаму зубных пломб и царапнув колючим взглядом Софи с ее невероятным зонтом.

Два...

Вот она сняла на пару секунд руки с руля и скрестила их на груди, чуть ниже именной планки, накрыв надпись «Пьюджет-Саунд. Муниципальный транспорт», украшающую ладную униформу.

Один...

Теперь громкое сопение, упрямое движение лбом, как будто она хочет кого-то боднуть, и... вот оно:

— Опять! С ума сойти, эта девчонка! Ну что ты выпендриваешься? А без парашюта не пробовала? Такое прекрасное утро! Понедельник...

Подавившись смешком, Софи прислонила зонтик к перегородке и оплатила проезд. Она не видела ничего смешного ни в сотруднице транспортной фирмы, ни в ее комментариях, но ее забавляло, что в протоколе этой утренней встречи нет никаких, самых незначительных, отступлений.

— А вдруг дождь? — с невинным видом ответила водительнице Софи.

— Да откуда ему взяться? Ты видишь на небе хоть одно облачко? Хвала господу, за всю неделю на зем-

лю не упало ни капли, надо постучать по дереву. — Она постучала костяшками пальцев по металлической стойке.

Софи недовольно качнула головой. И с чего эта женщина взялась ее поучать? Впрочем, насчет погоды нынешним днем она абсолютно права. Утренний воздух пока что прохладен, но небосвод сияет голубизной до самого горизонта, а метеорологи все как один предсказывали ясную погоду. Только какое дело Софи Джонс до метеорологов? У нее свои счеты с погодой.

— Я всегда ожидаю худшего, — отшутилась она и старательно приподняла уголки губ, изображая улыбку.

— Оно и заметно, — нарочито тяжко вздохнула женщина за рулем. — В этом-то у тебя и проблема, дева.

Пока Софи искала глазами свободное место, женщина добавила еще что-то неодобрительное в ее адрес, но автобус сорвался с места, и слова транспортной тьюторши утонули в бурчанье мотора. Впрочем, Софи все равно не стала бы вслушиваться в воспитательные комментарии. Утро и правда сегодня чудесное, так что пускай эта автомобильная прорицательница смотрит внимательнее на дорогу и помалкивает насчет парашютов и всего прочего. Тем более что впереди действительно прекрасный солнечный день.

Вот только день хотя и был солнечным, однако далеко не самым приятным.

Для Софи Джонс этот день — самый худший из всех дней в году. С ним в ее жизни связан ежегодно повторяющийся кошмар, и ей его не избежать. Не будь у нее неотложных дел, она бы с радостью задернула занавески, выключила мобильный, зарылась

в постель и проспала бы так целые сутки в состоянии, близком к анабиозному оцепенению.

Если бы, если бы, если бы, размышляла Софи, двигаясь по проходу к своему излюбленному месту в самом конце автобуса. Пассажиры, ехавшие из Гиг-Харбора, чаще всего рассаживались на передних местах, мало кто забирался так далеко, и высокое заднее сиденье обычно было целиком в ее распоряжении. Во время утренней дороги к месту работы Софи предпочитала молча созерцать окрестности, и этот «tron» оберегал ее от пустой болтовни, в которую с таким удовольствием пускались ее попутчики. Пока автобус несся по магистрали, она смотрела на мелькающие за окном склоны, покрытые сочной зеленью, на редкие суденышки, болтающиеся в водах Саунда. Она разглядывала высокие пилоны висячего Тякомского моста, который соединял небольшой городок Гиг-Харбор и Олимпийский полуостров с материковой территорией штата Вашингтон. Обычно всего этого было достаточно, чтобы отвлечь ее от горькой реальности жизни.

Но этот день был не такой, как все остальные.

Для Софи это был день утрат и потерь, и ничто не могло умерить ее сердечную боль, оживавшую для нее каждый год в этот день. Никакие сосны, паруса и водный простор за грязноватыми стеклами автобусных окон не помогали ей забыть прошлое. *День моей личной скорби и ненависти к себе*, — так решила она, запихивая огромный зонт в щель между креслами. — *Мой персональный праздник самоуничтожения. И это мое персональное неоспоримое право — чувствовать себя несчастной, ничтожной и жалкой в такой мере, в какой я хочу...*

— С днем рождения, моя дорогая!

Софи аж подпрыгнула от внезапного словесного вторжения в свою безмолвную душевную смуту и готова была огрызнуться, мол, какого черта... Но ахнула, когда ее сознание пробилось в действительность и опознало знакомый голос.

— Глазам не верю, Эви! Вот ненормальная! Что ты здесь делаешь? — Софи проигнорировала заинтересованные взгляды близисидящих к ней пассажиров, которые выворачивали шеи, чтобы увидеть, что происходит.

— Решила устроить тебе сюрприз. Кажется, получилось. — Эви широко улыбнулась и уселилась на свободное место рядом.

Софи напустила на себя гневный вид:

— Только этого не хватало! У меня одна-единственная подруга в этом кошмарном мире. И как она проявляет ко мне свою любовь? Крадется за мной, пугает, устраивает бесплатный спектакль для скучающих пассажиров и напоминает мне, какой сегодня день.

Лицо Эви по-прежнему сияло радостью.

— Потому что тебе ну-у-ужно напоминать, — с нажимом пропела она. — А что до твоих гнусных инсинаций, так я не кралась. Я села в автобус на две остановки раньше тебя, но ты в своем ментальном тумане прошла мимо и не изволила меня заметить. Хотя я помахала тебе рукой! — Она помолчала. — Ладно, проехали. Сегодня у тебя день рождения, так что ты прощена.

— Да, сегодня мой день рождения, — унылым эхом повторила Софи.

— Ох, сделай милость, смени настроение, — весело отмахнулась от нее Эви. — Мы с тобой знаем,

что самый плохой день был давным-давно, поэтому сегодня — это начало чего-то хорошего.

Эви была невысокой шатенкой с подкупающей улыбкой, заливистым смехом и красивым бронзовым загаром, который сохранялся и зимой. Волосы и улыбку она унаследовала от матери, а цвет кожи от латиноамериканского отца, которого она никогда не видела. Смех был для нее просто способом преодолевать жизненные проблемы. А еще она была одной из немногих в этом мире, кому Софи целиком и полностью доверяла. К досаде Софи, полное имя ее подруги, Эвалинн Марион Мейсон, недавно дополнилось и стало Эвалинн Марион Мейсон-Мэй. Дефис добавился полгода назад в результате замужества Эви. Ее мужем стал Джастин Мак, их приятель по колледжу. Софи ничего не имела против Джастина — вообще-то, она была за подругу рада, — но их брак вызвал у нее беспокойство, что жизнь стремительно проносится мимо нее. Это ощущение усилилось десятикратно, когда через два месяца Эвалинн сообщила ей о своей беременности.

Внешне Эви и Софи были разными, словно день и ночь. Эви маленькая ростом, Софи высокая. У Эви волосы прямые, темные и короткие, у Софи золотистые локоны, изящно спадающие ей на плечи. Если Эви была общительной, то Софи более замкнутой. Все, кто их знал, считали, что их дружба основывается лишь на принципе «противоположности притягиваются», но Софи-то знала, что все гораздо глубже. Они были словно сестры, и их привязанность трудно было понять людям, которые росли в более нормальных условиях. Какими бы разными они ни казались на посторонний взгляд, по крайней мере две вещи у них

были общими и скрепляли их, словно кусочки ткани в лоскутном одеяле: трагедия, которую они пережили в детстве, и их афроамериканская приемная мать.

— Тебе отлично известно: я ненавижу свой день рождения, — отчеканила с неудовольствием Софи.

— Угу.

— Так что тебя подняло с постели из-под бочка твоего благоверного? Могла бы остаться при нем, а я — при своей хандре. Имею я право в собственный день рождения на гадкое настроение?

— О, разумеется, сколько угодно...

Софи зевнула, поморщилась.

— Тогда почему ты здесь? Только не говори, что в компании хандрить веселее. Я — ходячее опровержение этого тезиса.

Желая разрядить обстановку, Эвалинн подстроилась под грубоватую насмешливость тетки, управлявшей автобусом:

— Дева, да ты рехнулась? Мыслимое ли это дело — оставить тебя одну в такой день? Двадцать девять лет как-никак стукнуло! Эй! На будущий год ты уже будешь числиться старой девой. Так что наслаждайся — тебе еще двадцать с хвостиком, пока он не отсох у тебя, ха-ха-ха!

— Прекрати паясничать! Кого ты из себя строишь?! Дурочку?

Эви хихикнула.

— Не угадала. Все как раз наоборот — дурочкой я выставляю тебя. И у меня это хорошо получается. — Она ласково ткнула кулачком подругу в бок. — Не злись! Лучше улыбнись, Соф! Я не хочу смотреть весь день на твою постную физиономию.

Софи без улыбки удивленно вскинула брови:

— Весь день?

— Видишь ли, я села в этот автобус вовсе не для того, чтобы поздравить тебя с днем рождения и тут же выскочить. Моя начальница дала мне отгул — так и сказала, что сможет спокойно прожить сегодня без одного референта. Так что я абсолютно свободна и помогу тебе с шоколадом и прочим. Не хочу, чтобы ты кисла.

— Поясни-ка... Ты поможешь мне с шоколадом... готовить его или есть? В последний раз, помнится, ты мне так «помогла», что ой-ой. Покупателям ничего не осталось!

Эвалинн расплылась в блаженной улыбке.

— Имею право: трюфели на арахисовом масле — моя особенная любовь. Ладно, дашь мне какую-нибудь другую работу, я не настаиваю на шоколаде. И вообще, у меня есть и другие планы, мне вовсе не обязательно лить в формочки шоколад и макать туда вишню. Я задумала кое-что, дабы отвлечь тебя от дурных мыслей.

— Задумала? Кое-что? Мне заранее не по себе... Эв! Страшновато...

Эвалинн взглянула на нее заговорщически:

— Извини, молчу-молчу. Рот на замок. Это сюрприз. Наберись терпения.

Следующая остановка была перехватывающая парковка на Кимбел-драйв. Несколько человек сошли, чтобы пересесть на другие маршруты, зато прибавилась дюжина новых пассажиров, практически всех Софи узнавала в лицо. Но одного она видела первый раз в жизни. На мужчине был темно-синий блейзер и штаны цвета хаки. Высокорослому, ему пришлось наклониться, чтобы не стукнуться головой о потолочные поручни.

Его каштановые волосы игриво завивались над ушами, а яркие синие глаза мерцали в утреннем свете. Если бы Софи не поставила крест на мужчинах, ей, пожалуй, захотелось бы не ограничиться беглым взглядом, а уделять данному экземпляру более пристальное внимание. Но она оборвала в себе подобные мысли.

Почти все вошедшие занимали первые попавшиеся места, но незнакомец обвел взглядом салон и не поспешил сесть даже после того, как автобус тронулся и поехал. Казалось, он не замечал взгляда Софи. С компьютерной сумкой в одной руке и картой автобусных маршрутов в другой он неторопливо шел по проходу, балансируя при толчках.

Софи отвернулась и стала смотреть в окно.

— Здесь свободно? — вежливо спросил новый пассажир через несколько секунд, показывая на пустую половину высокого кресла, где сидела Софи.

Та продолжала сосредоточенно глядеть в окно, словно не слышала его слов.

Он кашлянул.

— Извините. Можно мне сесть рядом с вами?

Софи обратила к нему лицо. Эвалинн поблизости негромко, но выразительно хмыкнула.

— Это муниципальный транспорт, тут можно садиться где вам угодно, — холодно отвечала мужчине Софи. — Но почему бы не сесть вам вон там? — Она кивнула на пустые кресла, которые он по дороге сюда миновал.

Мужчина вежливо улыбнулся, сел подле нее, положил на колени компьютерную сумку и развернул карту.

— Вид отсюда гораздо лучше, — сказал он, обернувшись к Софи.